Прозрачная весенняя ночь раскинула над городом темно-синее, расшитое звездами покрывало. Огромные часы на башне Кремля пробили три раза, заверяя москвичей, что время по-прежнему неумолимо движется вперед, и прохладные майские дни вскоре сменит летнее тепло. Город спал – каменный исполин, раскинувшийся на берегах реки, темные здания вздымались к небу, молчаливые, угрюмые и тихие свидетели побед и поражении империи. Лишь в Кремле со стрельчатыми окнами, все еще мерцал свет. В уютном небольшом кабинете, где президент обычно назначал встречи самого деликатного характера, за овальным, покрытым зеленым сукном столом, сидели трое пожилых мужчин. Голубоватый дымок, поднимавшийся от сигары Евгения, клубился в воздухе причудливыми узорами, образуя зыбкие призрачные арабески в стиле позднего барокко.

Подняв рюмку с коньяком, президент сделал Маленький глоток и задумчиво произнес:

– Полагаю, это похоже на смерть… Новая разновидность небытия, после которого человек оживает снова и снова… – Он покачал головой и бросил вопросительный взгляд на своих гостей. – И вы утверждаете, что этот… Роман Гилев… с радостью идет на подобный риск?

Глаза Максимова сверкнули. Тщедушное тело величайшего кибернетика утопало в кресле, пиджак топорщился на спине, обтягивая горб. Профессор кивнул головой:

– Без сомнения. С радостью!

Евгений, который был одновременно шефом Романа Гилева и его старшим другом и покровителем, откашлялся. У него имелась своя точка зрения по затронутому вопросу.

– Не думаю, что определение «с радостью» верно, отражает суть дела, – заметил он, покачав головой. – Роман далеко не глуп…. Уверяю вас, в ином случае он не стал бы моим лучшим работником после пяти лет трудов на благо России и нашей службы. Он красив, обладает острым умом и вполне приличным состоянием, находится в полном расцвете сил и имеет достаточно причин, чтобы дорожить жизнью. Однако он вызвался добровольно. Точнее говоря, Роман не отказался участвовать в смертоубийственных экспериментах доктора, – генерал бросил косой взгляд на Максимова. – Да, именно так

– он не отказался и добровольно пошел на риск. Он полагает это своим долгом перед страной. – Сигара Евгения погасла, и старый разведчик потянулся за зажигалкой.

Президент посмотрел на профессора, перевел внимательный взгляд на генерала, потом уставился на солидную стопку листков, лежавшую перед ним на столе. Он прижал их ладонью, словно испугавшись, что исчерканные формулами и непонятными закорючками страницы вдруг вспорхнут в воздух и вылетят в открытую форточку.

– Прекрасно,– президент слегка усмехнулся, – невзирая на некоторые разногласия в этом пункте, я готов согласиться с вами обоими. Но давайте попытаемся определить исходные рубежи… – Он звонко щелкнул по краешку хрустальной рюмки, словно хотел подчеркнуть свои слова. – Начну с того, доктор, что я ничего не понял в той научной белиберде, которую вы представили в качестве отчета. Я юрист и политик, а не ученый, и Бог свидетель – у меня хватает проблем по сию сторону рая и ада! Я совсем не склонен, тратить средства на изучение странных закоулков космоса или потустороннего мира, в которых блуждает этот ваш Роман Гилев. И не надо забывать, что…

Максимов, способный без всякого стеснения перебить самого Творца, протестующе поднял руку.

– Простите, ни космогония, ни религия тут ни при чем. Именно это я пытался объяснить в своем докладе. Мы имеем дело не с пространственно-временным континуумом нашей вселенной; речь идет о прорыве в иные измерения. Мой компьютер так изменяет молекулярную структуру мозга и тела Романа, что он начинает воспринимать миры, о существовании которых мы раньше даже не подозревали.

Президенту, как любому политику, весьма не нравилось, когда его прерывали. Он бросил на доктора холодный взгляд.

– Не сомневаюсь, профессор, что вы пытались объяснить нечто подобное, однако это вам не удалось. Я не понял ничего – и видит Бог, бесполезно подсовывать нормальным людям подобную абракадабру! – президент раздраженно ткнул пальцем в развесистое уравнение на первой странице доклада – Вот этого я не понимаю, о чем готов сообщить вам! А теперь, с вашего позволения, я продолжу.

Маскируя усмешку, Евгений принялся снова раскуривать трубку, он чувствовал, что Максимов тоже постепенно приходит в раздражение. Пожалуй, такому великому ученому не мешало, проявлять больше снисходительности к людям, чьи мозги не столь совершенны, как у него.

– Этот Роман – не новичок, как я понял, – продолжал президент. – Кажется, он уже совершил четыре таких путешествия?

Максимов молчал, его маленькие глазки, янтарно желтые, как у льва, полузакрылись. Можно было подумать, что он обиделся, но Евгений знал, что это не так. Просто мысли гения блуждали где-то возможно, в будущем, отдаленном на пару веков. Поэтому Евгений ответил на вопрос сам.

– Да, он переносился в Альбу, Кат, Меоту и Берглион. Первый раз все вышло случайно. Какая-то ошибка в компьютерной программе…. В остальных случаях мы действовали сознательно. Ну, а теперь… Собственно, потому-то мы здесь.

– Да, вы здесь, и вам нужна моя подпись, карт-бланш, а еще – еще пара миллионов евро! – саркастически заметил президент, вороша стопку бумаг.

Тишина. Профессор совсем закрыл глаза, и генерал понял намек. Пришла его очередь действовать – чего и следовало ожидать, как только вопрос коснулся денег. Максимова подобные мелочи не интересовали – если было кому ими заняться.

Не сводя глаз с президента, генерал сказал.

– Да, примерно так. Ваша подпись, карт-бланш и пара миллионов без лишних вопросов в Парламенте. Что бы вы ни говорили, я думаю, вам ясно, насколько важен наш проект. Сейчас только четыре человека знают о нем – мы трое и Роман Гилев. Но если мы собираемся двигаться дальше, если мы захотим понять и использовать то, что уже принес Роман – и что он еще принесет из своих странствий, нам потребуется много народа. А это означает, что нужно обеспечить секретность всего предприятия. Нелегкая работа, но я с ней справлюсь. Однако она требует денег.

Скользнув взглядом по объемистой стопке листов, президент отпил глоток из своего бокала и медленно произнес:

– Деньги… Деньги я, возможно, достану. Существует фонд – во всяком случае, я надеюсь, что еще существует – тот, который создавался во время войны… – он устало улыбнулся генералу –

Ну, вы, вероятно, слышали о нем… Правительству нужны неподотчетные средства – это диктует обычный здравый смысл, а не только вопросы секретности. Если я выступлю в Парламенте и попрошу денег на такой… такой проект, меня, скорее всего, засадят в сумасшедший дом.

Глаза Максимова раскрылись.

– Значит, деньги мы получим. А карт-бланш?

На секунду президент замолчал. Его бокал опустела, но он не потянулся к графину, чтобы вновь наполнить его. Задумчиво наморщив высокий, в залысинах, лоб, он снова постучал ногтем по краю бокала, и в воздухе на миг повисла тонкая звенящая нота.

Президент поднес к глазам листок и прочитал:

– «Проект использования иных измерений». Хммм… – протянул он. – Итак,… Что вы предлагаете… Возможность оттока излишков населения… Колонизация – вместо или в дополнение к колонизации Луны и планет… Довольно отдаленные перспективы. Что еще? Телепортация на Землю ценных минералов… это уже кое-что. Хммм… Возможность культурного обмена? Признаюсь, я не совсем понимаю, что это значит.

В желтых глазках Максимова сверкнул огонек.

– Это значит, примерно следующее, чем больше мы знаем о нашей вселенной, тем меньше вероятность, что она взлетит на воздух. Или провалится в ад. Вот что это значит.

Теперь президент читал про себя. С невольным сочувствием генерал наблюдал за ним – пожилым усталым человеком, взвалившим на плечи груз забот о распадавшейся империи. Старый разведчик сам с трудом верил в эту фантастическую историю. Даже сейчас, когда наступила эпоха научных чудес, что сыпались на людские головы, словно из рога изобилия! Евгений принадлежал к другому поколению и знал об этом. Молодой человек из ученых, ознакомившись с идеей Максимова, возможно лишь бы зевнул: «Ну и что мол, такого? Стоит ли устраивать шум?» Что касается Евгения, то он надеялся вот-вот проснуться.

Закончив читать, президент бросил бумаги на стол и направился к ореховому секретеру в углу комнаты. Он вытащил чистый лист и начал что-то писать; Евгений заметил широкий размах подписи. Получили! А получив ЭТО, они получат и свои миллионы!

Евгений оказался совершенно неподготовленным к последующему ритуалу – хотя его предупреждали, что у, президента странное чувство юмора, часто недоступное пониманию окружающих. президент зажег стоявшую на секретере свечу, поднял ее и вернулся к столу, за которым расположились его гости. Он расстелил лист на зеленом сукне, капнул горячий воск под своей подписью и прижал к застывающей беловатой массе печатку золотого перстня, блестевшего на указательном пальце его левой руки. Совершив, сей торжественный акт, он подмигнул Максимову и Евгению, которые с интересом наблюдали за его манипуляциями.

– Немного таинственности не повредит, верно? Наше дело – попахивает средневековьем – странствия в мир духов, колдуны-алхимики, магия и все такое…. Но я думаю, доктор защитит нас от посягательств Сатаны.

– Он протянул Евгению лист плотной бумаги, на котором красовалась его подпись и печать. – Возьмите. Я полагаю, что к этому документу отнесутся с должным почтением в любом уголке России. Надеюсь, вы не планируете, вести работы в Африке или Индии? – его улыбка стала

кислой.

Профессор поднялся, принял у генерала бумагу и быстро прочитал текст.

– Спасибо, – сказал он, довольно кивнув. – Именно то, что нам надо. Плюс пара миллионов, конечно. Спокойной ночи.

Ею милость направился к выходу, покачивая горбом и приволакивая ногу; походка его, из-за перенесенного в детстве полиомиелита, напоминала передвижение краба. Но сейчас это был краб, ухвативший лакомый кусок. Не сказав больше ни слова, он покинул комнату.

Евгений проявил больше вежливости, прощаясь с президентом. Он даже попытался отчасти искупить бестактность Максимова.

– Профессор очень устал. Слишком много работы.… И потом, эти непрерывные боли…

Президент движением руки прервал генерала.

– Вы, кажется, хотите извиниться за него? Зря, совершенно зря. Будь у меня такая голова, я бы… Ладно, не важно. Нам остается только смириться с его манерами, – президент пожал плечами, задумчиво глядя на плясавшие в камине языки пламени. – Желаю успеха. Но если все это было шуткой, розыгрышем, тогда помоги нам всем господь. Я увяз в этом деле так же глубоко, как и вы оба. – Он поднял со стола стопку листов, взвесил на ладони и швырнул в огонь.

Когда генерал уже перешагнул порог, президент внезапно окликнул его. Старый разведчик повернулся.

– Мне хотелось бы увидеть этого Романа Гилева. Попозже, в подходящий момент. Должно быть, интересный парень этот странник по чужим мирам.… По сравнению с его подвигами полеты в космос – просто разминка для юнцов, верно?

Евгений кивнул и улыбнулся.

– Совершенно верно. Роман и в самом деле необычный человек… очень сильный, уверенный в себе… – Он вежливо склонил голову: – Спокойной ночи.

* * *

В эту самую минуту Роман Гилев отнюдь не производил впечатления уверенного в себе человека, его покидала женщина.

Минуло с полчаса, как они в последний раз занимались любовью в полумраке уютной спальни. Роману, заранее предупрежденному о разрыве, наслаждение казалось томительным, горько-сладким, как запах увядающей орхидеи. Он не хотел расставаться с Еленой, он был влюблен в нее, и это чувство становилось сильнее с каждой встречей. Несомненно, Елена отвечала ему взаимностью.

Именно поэтому она и покидала его.

В распахнутое окно вливался прохладный ночной воздух, наполняя комнату ароматом тюльпанов, запахом цветущего боярышника и дикого тимьяна. Где-то сонно заговорила кукушка, серебряный серп месяца окрасил аметистовым цветом воды залива. Роман лежал на

широкой смятой постели и наблюдал, как одевается Елена. Она хотела, отправиться в Москву не дожидаясь утра.

Роман, обнаженный, походил на огромную темную кошку, раскинувшуюся на белой простыне. Тело его, только что отдавшее немало энергии, казалось спокойным – но в мыслях спокойствия не было. Человек, никогда не видевший его в движении, не сумел бы оценить мощь этих массивных плеч, каменную твердость бедер, стремительную силу огромного мускулистого тела. Он обладал изумительно пропорциональным сложением, вполне соответствующим его ста восьмидесяти пяти сантиметров росту, и Елена, художница, часто рисовала своего возлюбленного обнаженным.

Они много чем занимались обнаженными, он и Елена. А теперь она его покидала.

Роман ни секунду не сомневался в серьезности ее намерений. Елена была сильной женщиной, у которой слова не расходятся с делом – особенно сказанные так спокойно и холодно, как в этот вечер.

Он лениво наблюдал, как она натянула длинные черные чулки, пристегнув их к подвязкам на белых бедрах. К коже Елены, нежной и молочно-белой, не приставал загар; она старалась держаться подальше от солнца и выглядела, словно блестящая мраморная статуя Афродиты. Не в первый раз Роман думал о том, понимают ли женщины – порядочные женщины, такие, как Елена – какой возбуждающий эффект производит сочетание черного и белого. Вероятно, нет, решил он. Где-то ему доводилось читать, что представительницы прекрасного пола не реагируют на психологические стимулы так сильно, как мужчины. Для них большую роль играет прикосновение, тактильная близость. Роман вздохнул, подавляя желание. Елена не позволит дотронуться до себя. Нет, больше никогда – так она сказала…

Кружевные трусики, скользнув по длинным крепким ногам, скрыли поясок с подвязками. Елена нагнулась, пряча в чашечки бюстгальтера свои маленькие острые груди, и Роман увидел их отражение в зеркале трюмо. Он ощутил физическую боль; волна нового желания стремительно нарастала в его жаждущем теле.

– Елена… – прохрипел он.

Она просунула голову и руки в синее льняное платье, потом расправила его и потянулась за черепаховым гребнем, инкрустированным серебром. Занимаясь прической, она следила за Романом в зеркале.

Роман протянул руку к пачке сигарет на ночном столике, чиркнул зажигалкой и, выдохнув дым, снова повторил:

– Елена….

Сейчас она занималась губами – наносила едва заметный слой бледной помады. Она не любила яркие цвета, ее губы сами по себе были сочными, алыми… Губы, которые он так часто целовал…

– Елена…

– Да, Рома? – она промокнула рот салфеткой.

– Ты все обдумала? – голос его стал хриплым. – Ты понимаешь, что делаешь? Ты действительно хочешь уйти от меня… бросить прямо сейчас?

Зеркало донесло призрак ее улыбки.

– Да. Да, Ром. Я все обдумала, знаю, что делаю, но я совсем не хочу покидать тебя.

– Женская логика – это ее полное отсутствие, – нахмурился Роман. – Ты любишь меня и не хочешь уходить – однако уходишь. Это больше, чем может понять мужчина.

Елена покрутила ступней, пристально разглядывая чулок. Ее милое подвижное личико с широко расставленными глазами и пухлым ртом оставалось безучастным. Она смотрела вниз и в сторону, избегая встречаться взглядом с Романом; он не должен видеть даже намека на слезы в ее глазах. Леди – а Елена, несомненно, являлась леди, – не плачут в такие моменты.

– Мы уже обсуждали это, Ром. Прошу тебя, не начинай все с начала. Давай попрощаемся и… и… и потом ты отнесешь в машину мой чемодан.

Роман, раздраженный, вскочил, натянул брюки и босиком направился во двор к ее «фиату» с чемоданом в руке. Лунный свет играл на его смуглых плечах.

Елена шагнула во двор. Позже Роман подумал, что она сделала все очень ловко, будто отрепетировала заранее. Она не прильнула к нему, не дала возможности вымолвить слово – только легко и быстро коснулась губами его щеки. «Будь счастлив, дорогой», – услышал он, и в следующий миг Елена уже была в машине. Она грациозно подобрала ноги, одернула юбку и уехала.

Роман мрачно наблюдал, как красные точки задних огней проплыли по переулку и исчезли на повороте за стволами деревьев. Он слышал, как прошуршали по гравию колеса маленького автомобиля, потом машина выехала на автостраду, взревел мотор и звук начал стремительно удаляться.

Прощай, Елена. Будь счастлива.

Он вернулся в дом, швырнул брюки на пол и снова растянулся на кровати: ложе теперь казалось ему слишком широким и пустым. Запах ее духов деликатным напоминанием плавал в воздухе.

Роман закурил новую сигарету и уставился в потолок. Через минуту он начал ругаться – тихо, едва шевеля губами, словно читал про себя молитву. Еще через пять минут он иссяк и почувствовал себя лучше.

Ничего не поделаешь, думал он, абсолютно ничего. Работа есть работа, и долг есть долг. И то, и другое важнее личных переживаний. Даже важнее любви.

Именно в этом и был камень преткновения. Как честный человек, отвечающий за свои слова, Роман не мог сказать Елене того, что она так жаждала услышать – что он любит ее и хочет на ней жениться.

В этот вечер они спорили больше часа и под конец девушка с почти шокирующей откровенностью заявила:

– Ты пропадаешь на недели, на месяцы,– и никогда ни слова объяснения. Ты неожиданно исчезаешь, потом так же неожиданно появляешься…. А я… Я должна радоваться твоему возвращению и начинать все с того места, на котором мы остановились прошлый раз. Больше такого не будет! Во всяком случае – со мной!

Объяснять что-либо было бесполезно. Присяга и закон о государственной тайне связывала Романа по рукам и ногам. Он не имел права заикнуться даже о причинах, по которым не может давать какие-либо объяснения. Он прятался от ее вопрошающих глаз в молчание, лесть, секс.

Но, в конечном счете, не помог даже секс.

– Рома, я нормальная женщина. Я хочу иметь мужа, семью, дом, какую-то определенность в жизни. И больше всего я хочу знать, где пропадает мой муж и когда он вернется домой – по крайней мере, вернется ли он вообще. Ты знаешь, я никогда не проявляла любопытства к тому, чем ты занимаешься, но чувствую, это опасно. Даже не просто чувствую – уверена. И можешь ли ты обещать, что всегда сумеешь вернуться?

Нет, этого он не мог гарантировать.

– Я люблю тебя… люблю всем сердцем, но мне мало одной любви. Ты должен понять…. И я решила. После этих выходных я больше не стану встречаться с тобой.

Теперь выходные закончился, и Елена уехала.

На следующее утро настроение Романа оставалось по-прежнему мрачным, так что звонок генерала пришелся как нельзя кстати. По своему обыкновению шеф начал издалека, потом намекнул, что был бы рад видеть «дорогого Романа» в Москве. Роман запер дверь своего дома, швырнул чемодан в свой «MG», включил мотор и с ревом помчался по автостраде. Быстрое движение успокаивало его.

Евгений ждал его в маленьком кабинете мрачноватого здания, затерянного в переулках. К своему изумлению, Роман сумел припарковаться; после часовой беседы они с генералом вернулись к «MG» и поехали в Кремль к Максимову.

По дороге в основном говорил генерал – высокопарным и сухим языком, который превосходно маскировал его острый, проницательный ум. Роман был занят тем, что пытался переварить новости. Итак, их операция окончательно приобрела официальный статус и поддержку президента– в месте с солидным финансированием. Роман подумал, что вряд ли это имеет для него большое значение – как и присвоенный проекту год назад код высшей секретности; в конечном счете, ТУДА он отправлялся один и вряд ли благословение президента, могло спасти его.

– Я присмотрю за твоей машиной, мой мальчик, – жужжал над ухом баритон генерала – Максимов не знает, сколько времени займет твой очередной визит, а если и знает, то не говорит. Но все будет в порядке, не волнуйся. Я позабочусь обо всем.

Роман скрыл насмешливую улыбку. Кажется, Евгений нервничал – гораздо больше, чем он сам – и нес чепуху, чтобы снять напряжение.

В Кремле ничего не изменилось. Как всегда, рослые охранники провели их сначала по старому зданию, потом вниз по многочисленным лестницам к большому, обшитому бронзой лифту. Здесь генерал распрощался с Романом, похлопав его по плечу; затем бронзовые двери сомкнулись и лифт упал вниз – так быстро, что разведчика начало слегка подташнивать.

Максимов ожидал его в ярко освещенном вестибюле. Одернув белый халат, нелепо топорщившийся над горбом, старик улыбнулся Роману; зубы его были желтыми от никотина, глаза покраснели от недосыпания. Роман шагнул в вестибюль, и кабина взлетела вверх.

Ухватив за руку своего посетителя, старый ученый впился в него пристальным взглядом.

– Итак, мой друг, я надеюсь, генерал рассказал вам о последних новостях? О том, что наше положение несколько изменилось?

Роман кивнул.

Максимов удовлетворенно хмыкнул и скользнул в сторону своей скачущей крабьей походкой. Роману показалось, что горб доктора стал еще больше, лицо еще бледнее, но он постарался прогнать такие мысли. Он проследовал за Максимовым знакомым, путем, который ему уже доводилось проходить дважды – через вестибюль и огромный зал, где гудели и перемигивались компьютеры, беседуя о своих компьютерных делах.

Максимов пренебрежительно махнул на них, похожей на клешню рукой и рассмеялся.

– Устаревший хлам! Два миллиона евро, Рома, – это означает новое оборудование и новую работу.

Роман переоделся в том же крохотном кабинетике, обмотав вокруг пояса кусок льняной ткани. Правда, до сих пор набедренная повязка исчезала, когда компьютер переносил его в другое измерение – в Альбе, Кате, Меоте и Берглионе он оказался нагишом. Роман улыбнулся. Его шеф как-то заметил, что он появлялся в новых мирах обнаженный, как Адам в эдемском саду. Правда, ледяная пустыня Берглиона не слишком напоминала райские кущи,…

Он вспомнил, как барахтался в обжигающем снегу, и его улыбка несколько поблекла. До сих пор он не нашел ни рая, ни Эдема, – скорее, наоборот.

У Максимова все уже было готово. Роман привычно шагнул в стеклянную клетку, высившуюся на площадке в недрах гигантского компьютера. Доктор покрыл его тело мазью и стал закреплять электроды. Тонкие провода заканчивались блестящими змеиными головками контактных пластин; сгруппированные в жгуты, они исчезали в отверстиях на пульте машины…

Во время первого путешествия Роман нервничал - последствия эксперимента тогда не мог предугадать никто. В последующих случаях он был слегка возбужден. Теперь же обычная уравновешенность и спокойствие не покидали его ни на секунду. Более того, он понял, что с нетерпением ожидает перехода.

Максимов закончил возиться с электродами. Поглядел на Романа, сидевшего в кресле и так опутанного проводами, что он напомнил попавшего в плен Гулливера, и улыбнулся.

- Еще раз повторю, что вам не надо ничего специально запоминать. Лучше даже не пытаться этого делать. Компьютер трансформирует клетки вашего мозга, повышая их способность к запоминанию. Информация будет регистрироваться подсознательно; придет время - вы все вспомните и расскажете.

Роман послушно кивнул.

Профессор повернулся к рубильнику за спиной и положил руку па рифленую рукоять.

- Я еще не решил, когда послать сигнал возврата. Тут возникает довольно непростая ситуация… Я как раз начал серию новых вычислений… надо установить оптимальный срок ваших странствий. Но помните, вы не должны волноваться из-за этого. Я верну вас обратно.

Обязательно верну! Лишь бы вы остались в живых…

Что-то похожее на привязанность мелькнуло в его потемневших янтарных глазах. Роман подумал, что впервые видит такое выражение на лице Максимова; раньше ему казалось, что профессор без колебаний променяет все человечество на один-единственный компьютер.

- Вы готовы?

- Включайте!

Максимов потянул рукоять рубильника.

http://tl.rulate.ru/book/22670/482359